

IV. МЕТОДОЛОГИЯ МИФА

Демон этот магичен, термодинамичен, неклассичен и статистичен, и станет он из старого бочонка или из чиханья экстрагировать и доставлять тебе информацию обо всём, что было, что есть, что может быть и что будет. И нет демона превыше этого Демона, ибо он — Второго Рода.

С. Лем. Кибериада, Путешествие 7. Пер. А. Громовой

IV.1. Редактирование фактов

IV.1.1. Криптоистория или «фольк-история»?

Александр Балод (2004) в остроумной рецензии на очередной роман А. Бушкова, поклонника «новой хронологии» А. Т. Фоменко, различает несколько жанров со вмещения фантастики и исторической реальности («чёрной истории», как мы определили её во введении):

- 1) «альтернативная история»: всё было (или могло бы быть) совсем не так!
- 2) «криптоистория»: всё было так, но не так объясняется! Обычно при этом объяснение оказывается простым по сути, хотя и скандальным.
- 3) «фольк-история» (*folk-history*) — всё было, как в сказке, — и неважно, как на самом деле!

При этом автор ссылается на слова теоретика жанра криптоистории — А. Валентинова: «Смысл метода в том, чтобы показать, какие неизвестные нам причины привели к тем или иным историческим событиям. Мы, криптоистики, не выдумываем небывалое, не говорим о том, что история пошла иначе, как авторы “альтернативной истории”. Мы утверждаем, что внешне всё выглядело именно так, как мы привыкли, но причины и существенные детали этого могли быть совершенно иными, непривычными, неожиданными для нас» (там же).

Разберёмся. Альтернативная история обычно не претендует на научную истину, это откровенно художественное произведение — как романы В. Рыбакова, Х. ван Зайчика (псевдоним того же В. Рыбакова — однако не зря, видимо, автор настаивает на отдельном псевдониме для части своих произведений), Дж. Р. Р. Толкина и даже эссе А. Дж. Тойнби. Читатель воспринимает их именно как вымысел, и сам Тойнби не смешивал свои эссе (вроде «*Если бы Александр не умер тогда...*») со своими же серьёзными трудами по философии истории (верна ли его концепция — вопрос другой). Иное дело криптоистория, по определению ищущая новое объяснение для фактов, признанных и академической наукой. Под такое определение подпадает любая новая научная концепция, даже ранний марксизм: Маркс не переписал прошлое наново, но лишь по-новому его объяснил, причём привлёк весь научный аппарат своего времени. Но в данном случае речь идёт об авторах, не совершивших в истории никаких собственных открытий и лишь отстаивающих право на безответственность своего пера.

Сказанное объясняет, почему автор этих строк счёл уместным ограничиться лишь некоторыми вариантами «чёрной истории», не включив в рассмотрение концепцию А. Т. Фоменко, несмотря на её явную мифологичность и ура-патриотизм. Вопреки утверждению А. Балода, А. Т. Фоменко — явный «альтернативный историк», хоть и скрывает свою «альтернативность» (и потому далеко не столь безвредный, как откровенные фантасты). Ведь он не ограничивается объяснением известных фактов, но переписывает *всё* прошлое. Так, вся древность и раннее средневековье, по его мнению, вымышлены, зато постулируется существование некоей русско-ордынской Империи, которое потомкам понадобилось скрыть. Наши же авторы не выдумывают факты (лишь «редактируют» их в нужном духе, как увидим далее), но объясняют их с точки зрения своих теорий. А это совсем другая методология — криптоисторическая. Что нисколько не говорит о том, кто опаснее. Поэтому не кажется оправданным оптимизм нашего рецензента:

«Сравнивать фоменковщину с лысенковщиной по меньшей мере странно. Главный вред лысенковщины заключался не в её антинаучности, а в том, что это направление получило поддержку на государственном уровне, которую его сторонники использовали для преследования других научных школ. Новую хронологию никто, по-моему, ещё не объявлял господствующей исторической доктриной — да и живём мы всё-таки совсем в другом обществе» (Балод 2004).

Точно ли? «Ещё не объявлял» — разве это гарантия наперёд? Ведь и лысенковщина сначала сформировалась как комплекс идей, а уж потом получила государственную поддержку. Кто знает, какова будет завтрашняя власть? И в каких мифах будет нуждаться она?

Поэтому классификация А. Балода не представляется удачной. Со своей стороны, Д. М. Володихин, одним из первых начавший изучение подобных работ как особого феномена «массовой культуры», говорит только о фольк-хистори (ФХ) как синониме «альтернативной истории», полностью включая в неё фоменковцев как самых ярких представителей. По его мнению, этот жанр строится по законам развлекательной литературы и «оказался весьма перспективным с маркетинговой точки зрения. Гвоздь успеха — умело найденная новая эмоциональная ниша: страсть к заглядыванию в тёмный колодезь великих цивилизаций древности» (Володихин 1999). В сущности, в СССР почву для него подготовила перестроечная публицистика с её вниманием к истории, казалось бы, дающей ключ к решению всех проблем: вот только бы узнать, что там между Сталиным и Бухариным на самом деле было, и станет ясно, «как нам обустроить Россию». Эти ожидания — в сущности, всё, что осталось в массовом сознании от тогдашних газетных кампаний.

По Д. М. Володихину (1999), структура фольк-хистори включает четыре основных элемента: 1) «интрига» (тайна — разгаданная, но не во всех подробностях, чтобы и читателю остался простор для воображения); 2) «обличительный пафос, то есть накал борьбы с образом врага, мешавшего до сих пор раскрыть истину, да и сейчас ещё опасного (историки-профессионалы, тоталитарное правительство и т. п.)»; 3) «фактическая аргументация» — точнее, парады примеров (обычно читатель незнаком с принципом Поппера, что даже миллион примеров ничего не значит, если хоть один факт опровергает теорию); 4) «позитив» — то есть реконструкция на основе «разгаданных тайн» большого пласта исторической реальности». При этом «первые две позиции остаются решающими. Автор фольк-хистори всегда и неизменно «отлич-

ник” по разгадыванию тайн и обличению оппонентов всякого рода. Он имеет, в соответствии с законами жанра, полное право на “неуды” по третьей и четвёртой позициям, поскольку они представляют собой не более чем антураж, театральные декорации <...>. Любой город, любое событие в книгах Фоменко или, например, М. Аджиева — такой же симулякр, как энциклопедия Тлена у Борхеса, или ссылки того же Борхеса на никогда не живших авторов и никем не написанные книги» (там же). Это, однако, явное преувеличение: ведь сам Д. М. Володихин отмечает в качестве основного закона жанра «максимальное приближение к действительности». А это не выйдет без хотя бы каких-то знаний. Ведь читатель такой литературы тоже хоть что-то из истории знает. К тому же он избалован и не желает потреблять ни второсортный кофе, ни второсортную «историю». А главное — не любит авторов, откровенно принимающих его, читателя, за дурака. Поэтому идеальное произведение «альтернативной истории» должно учитывать факты, почерпнутые читателем из школьных учебников и СМИ, но уж за этими пределами — всё можно.

Однако откуда неприменный обличительный пафос по адресу «официальных историков»? Как ни странно, у него есть культурное обоснование: «В этой атмосфере общего отчаяния можно попробовать бороться с чем-то, что достаточно тесно связано с господствующей властью, чтобы не вызвать симпатии, но достаточно слабо, чтобы стать более или менее достижимой мишенью (концентрация власти и денег — вне досягаемости). Лучше всего отвечает этим условиям наука, и это отчасти объясняет те нападки, объектом которых она становится <...>. Таким образом, несомненно, что наука как социальный институт связана с экономической и военной властью, и роль, которую она играет, подчас одиозна. Так же верно, что технология приводит к смешанным — а иногда явно губительным — результатам и редко даёт чудесные решения, которые нам постоянно обещают её наиболее восторженные защитники» (Сокал, Брикмон 2002: 165). Иными словами, повторяется история антисемитизма: евреи были слишком тесно связаны с властью как финансисты, и в то же время — достаточно слабы, чтобы отвечать за чужие грехи. На Украине и в Белоруссии евреев-шинкарей били за «спаивание народа». Никому не хотелось вспоминать, что вино, которое они продавали, было панское: в Речи Посполитой винокурение было дворянской монополией («пропинационное право»), но сами паны торговать не могли (это было несовместимо с их рыцарским этосом) и поэтому нуждались в евреях-посредниках, но связываться с самим паном было опасно. Точно так же в наши дни учёные не только обслуживают нужды государства, но и вынуждены отвечать за то, как государство использует их труды. Впрочем, о корнях антинауки стоит поговорить отдельно.

Здесь же заметим лишь, что термин «Folk-History», хотя уже и укоренился — видимо, по аналогии с «народной этимологией», — но по сути столь же неверен. Опасность их обоих в том, что под этими названиями смешиваются два совершенно разнородных явления: наивные варианты истории или этимологии, которые *естественно* производит непросвещённый разум («народ», folk), и псевдомифилогические (а на деле — идеологические) конструкции, *искусственно* создаваемые для внедрения в «народный» разум. Одно дело — безграмотный человек, лишь по наивности говорящий «спинжак» вместо «пиджак» и «полуклиника» вместо «поликлиника» и не умеющий возвести эту наивность в ранг теории. Такие только смешны, такими героями развлекали читателей и зрителей и Шекспир (миссис Куикли

в «*Генрихе IV*» и «*Виндзорских насмешицах*»), и Шеридан (миссис Малапроп в «*Соперниках*»), и А. Н. Островский (вспомнить хоть сваху из «*Свои люди — сочтёмся*» с её знаменитым «мараль пушать» в смысле «марать, чернить»), и И. Л. Карджале (чего стоит один Мариус Кикош из «*Педагога новой школы*»!). И совсем другое дело — человек, утверждающий то же самое печатно, во всеоружии учёных степеней (полученных совсем в иной сфере), на теоретической основе и из патристических побуждений. Здесь уже не до смеха: на карту ставится не только духовное здоровье читателей, но и будущее целых наций, принимающих подобные построения в качестве национальных программ.

Действительно, «народная история», равноправия которой с научной историей требуют некоторые страны, особенно развивающиеся, — это мифы о предках, естественно сложившиеся ещё до появления современного понятия о научности и лишённые чёткого авторства. Для евреев это — вся книга Бытия; для китайцев — мифы о Фу-си, Шэньнуне, Яо и Шуне; для греков — «*Илиада*» и «*Одиссея*» (Гомер — не автор сюжетов, а лишь кодификатор); для англичан — мифы о Бруте, брате Энея, и его потомках вплоть до короля Артура, собранные Гальфридом Монмутским; для западных славян — миф о братьях Лехе, Чехе и Русе; для молдаван — миф об охоте Драгоша, и т. д. Они сложились уже очень давно, причём по вполне объективным причинам, заслуживающим исследования. Более того, эти мифы настолько вплелись в ткань соответствующих культур, оказали на них столь сильное и многостороннее влияние, что не могут быть из них изъяты, несмотря даже на то, что мифологичность этих сюжетов сегодня для нас очевидна. По всем этим причинам они достойны внимания науки, для которой они, однако, не конкуренты, а лишь объекты изучения.

Однако в наши дни, говоря о Folk-History, обычно имеют в виду совсем иное: «кабинетные мифы», искусственно создаваемые в пику уже существующей научной истории. «Народными» они могут считаться лишь постольку, поскольку «реформатор», вторгающийся в историю из другой сферы (будь он в ней хоть академиком, как А. Т. Фоменко), знает о ней порой не больше, чем «человек с улицы», который тоже ведь иногда читает что-то, кроме анекдотов и детективов. Такие кабинетные мифы не зарождаются в массовом сознании естественным путём, на них стоит подпись авторов, рассчитывающих на лавры. А это противоречит определению мифов по М. И. Стеблину-Каменскому — как произведений, «за которыми не стоит никакой индивидуальный автор», несущих печать «сочетания неосознанности авторства с неосознанностью вымысла» (Стеблин-Каменский 1976: 6, 87).

Влияние таких идеологических мифов на культуру — почти всегда разрушительное. Характерно, что нигде такие мифы не завоевали популярности за счёт собственного содержания: они либо внедряются в массовое сознание через аппарат политической пропаганды (классический случай — мифы нацизма), либо остаются уделом небольших маргинальных групп (например, современных «дочерей Фрейи», оставшихся верными «*Ура Лунде*»).

Исключение составляют лишь те конструкции, которые не порывают связь с научной историей. Но их мифологичность либо незаметна с первого взгляда и требует специального выявления, либо это вообще не миф, а вариант вполне respectable философии истории.